

Глава 28. Бабочка-парусник

Намеренно поддразнивая друга, Наньгун Хуэй усмехнулся:

— Гитара? Ну, я тоже кое-что умею!

— Правда?

— Ага. Могу виртуозно исполнить «до-ре-ми-фа-со-ля-си» и даже «си-ля-со-фа-ми-ре-до»!

Они еще немного посмеялись, перебрасываясь шутками, прежде чем вернуться к серьезному разговору.

Второго своего друга, Чэнь Шэна, Наньгун Хуэй в буквальном смысле слова выследил.

В те времена он еще не перебрался на улицу Жуйцзинь, а жил за воротами Чжуншаньмэнь, снимая комнату на пару с коллегой неподалеку от Нанкинского политеха. Как-то раз в субботу он ехал в пятом автобусе и вдруг заметил в зеркале заднего вида отражение — поразительно красивые глаза. Присмотревшись, он понял, что водитель — на редкость привлекательный мужчина лет двадцати восьми: гладко выбритый подбородок с синеватой тенью, уходящей к бакенбардам, и мощные, сексуально перекачивающиеся желваки. Стояла зима. Все вокруг кутались в бесформенную одежду, а этот водитель небрежно набросил ярко-алую пуховую куртку на спинку кресла, оставшись в темно-синем джемпере и модном шарфе в корейском стиле. Свежая стрижка дополняла его облик, но поскольку он смотрел только вперед, Наньгун Хуэй не мог разглядеть его лица целиком, что лишь распаляло любопытство.

Делать было решительно нечего, и Хуэй решил ехать до самого кольца. Когда автобус замер на конечной, он вышел вслед за водителем. Тот оказался крепким, ладно скроенным мужчиной с волевым, «квадратным» лицом. Одетый в белоснежные кроссовки и отлично сидящие джинсы, он выглядел невероятно эффектно. В руках водитель держал огромную банку из-под кофе «Нескафе», приспособленную под чай, и, бросив на Наньгун Хуэя мимолетный взгляд, скрылся в комнате отдыха.

Хуэй успел выкурить две сигареты, прежде чем водитель вернулся за руль. Он тут же отбросил окурки и запрыгнул обратно в салон.

Так продолжалось круг за кругом. Хуэй проехал по этому маршруту пять раз, проведя в автобусе почти шесть часов. Батарея в его MP3-плеере уже была на исходе. К семи часам вечера голод стал невыносимым, пришлось купить на остановке бургер и стакан горячего чая с молоком, чтобы хоть как-то подкрепиться.

Наверное, водитель заметил его еще во время второго перекура. Когда автобус притормозил на Синьцзекоу, он специально обернулся, отыскивая взглядом Наньгун Хуэя, пристроившегося у

двери. Хуэй, не стесняясь, уставился на него в ответ — с абсолютно бесстрастным лицом, глядя глаза в глаза, пока тот первым не отвел взор.

На четвертом круге водитель выскочил из кабины и поманил Наньгун Хуэя пальцем. Когда тот подошел, мужчина просто сказал:

— Дай закурить.

Той же ночью водитель по имени Чэнь Шэн привел Наньгун Хуэя к себе домой.

— Какая романтика! — выдохнул Вэнь Ле.

Осушив две банки пива, он уже заметно захмелел. Прижавшись лбом к оконному стеклу, он наблюдал за морозящим дождем и огнями засыпающего города.

— Подцепить водителя автобуса... И ведь сработало! Слушай, а он точно был «из наших»?

— Точно.

— А если бы нет?

— Ха! Если бы нет, он бы так на меня не смотрел. Знаешь, стоит мне выйти на улицу — и я сразу вижу, кто свой, а кто чужой. Ошибиться невозможно. Мы столько времени катались от Политеха до Мочоу-синьей... Думаешь, я бы не разглядел правду в его глазах?

С этими словами Наньгун Хуэй негромко запел «Бабочку-парусник»:

«Радостный выход из кокона, страсть возрождения,

В поисках тайных земель, за пределы мечты.

Кто властвует над любовью? Безумное рвение,

Вспыхнуть в огне, чтобы стать лишь фоном твоей красоты.

Твой смех и твой плач, всё, что делаешь ты —

Моя Библия, текст, что храню я в груди.

Радость и скорбь, и лишение свободы —

Всё для того, чтобы быть за тобою всегда позади.

Ты — пламя, ты — ветер, ты — демон, плетущий сети,

Слишком много разбитых крыльев в конце пути.

Ты — пламя, ты — ветер, ты — ангельский свет в этом свете,

Позволь мне стать бабочкой, в объятья мечты уйти.

Пусть радость мгновенна, но сердце замерло в клетке...

Радостный выход из кокона, порыв одержимости,

Поиски грёз в мире, где правит любовь.

Раз я не гусеница, пусть гибель станет актом решимости,

Пусть юность сгорит фейерверком, будоража кровь.

Сам живу, сам люблю, сам растрочу себя,

Разукрашу твой небосвод цветами зари.

Ты хочешь, ты просишь, а я — я счастлив, тебя любя,

Ведь всё это ты, только ты, посмотри...

Ты — пламя, ты — ветер, ты — демон, плетущий сети,

Слишком много разбитых крыльев в конце пути.

Ты — пламя, ты — ветер, ты — ангельский свет в этом свете,

Позволь мне стать бабочкой, в объятья мечты уйти.

Пусть радость мгновенна, но сердце замерло в клетке...

Ты — пламя, ты — ветер, ты — демон, плетущий сети,

Слишком много разбитых крыльев в конце пути.

Ты — пламя, ты — ветер, ты — ангельский свет в этом свете,

Позволь мне стать бабочкой, в объятья мечты уйти.

Дари мне радость, дари мне боль...»

— Знаешь, — заговорил он после недолгого молчания, — те пять-шесть часов я без конца крутил эту песню. Тогда я думал: даже если я не в его вкусе, воспоминания об этом дне останутся со мной навсегда. Сколько раз в жизни мы бываем молодыми? Сколько раз можем позволить себе быть безрассудными? Те шесть часов я слушал музыку и смотрел на его профиль, пока мы неслись мимо ворот Чжуншаньмэнь, дворца Мингугун, моста Исяньцяо, через Дасингун, Синьцзекоу и ворота Ханьчжунмэнь к парку озера Мочоу... и обратно. Пассажиры заходили и выходили, сменяя друг друга, и только мы двое оставались неизменными. На самом деле, вся наша жизнь — это путь. Сколько людей мы встречаем? Сколько событий проживаем? Даже те, с кем нам суждено столкнуться, — лишь попутчики на коротком отрезке. Возможность провести вместе хотя бы полдня — это уже дар небес, заслуженный в прошлых жизнях. В тот вечер я словно прокрутил в голове киноленту всей своей двадцатилетней жизни.

Вэнь Ле, покачивая бутылкой, хихикнул:

— Выходит, если я собираюсь провести с тобой остаток жизни — это ты заслужил в прошлой жизни или я?

Он обхватил Наньгун Хуэя за шею, предлагая выпить на брудершафт. Хуэй кривовато, с вызовом усмехнулся:

— Парень, ты что, совсем опьянел? Маленький «брудершафт» мне не интересен. Если пить, то по-взрослому!

Они обхватили друг друга за шеи и сделали по несколько жадных глотков прямо из бутылок. Холодное пиво потекло по подбородкам, заливая футболки.

— Намокло... хи-хи! — пробормотал Вэнь Ле.

Наньгун Хуэй провел ладонью по мокрой ткани на груди друга, заставляя её плотнее облепить

тело, и принялся медленно поглаживать сосок сквозь тонкий хлопок.

— А ты у нас, оказывается, крепкий орешек...

Вэнь Ле промолчал. Набрав в рот пива, он прижался к губам Наньгун Хуэя, передавая напиток из уст в уста. Тот осушил его до капли, а затем с жадностью впился в губы Вэнь Ле, затягивая его язык в глубокий, почти болезненный поцелуй. Вэнь Ле пару раз слабо ударил его по плечу, но в следующее мгновение оказался подмят тяжелым телом и прижат к широкому подоконнику.

Одежда казалась досадной помехой: чем сильнее была спешка, тем труднее было от неё избавиться. Кожа требовала соприкосновения с кожей. Вэнь Ле, словно осьминог, обвился вокруг Наньгун Хуэя, вцепляясь в него так крепко, будто хотел целиком раствориться в его теле.

Шторы оставались раздвинутыми. Там, на одиннадцатом этаже, на широком подоконнике с видом на спящую улицу Гуанчжоу-силу, они отдавались друг другу со всей страстью, на которую были способны.

Дождь незаметно прекратился. Луна выглянула из-за туч, заливая бледным светом двоих людей, забывших обо всем на свете.

На ночных улицах почти не осталось прохожих, а те немногие, кто был, торопливо шагали по своим делам, не поднимая головы. Напротив высились корпуса знаменитого Нанкинского университета — здания не выше шести этажей. Никто не мог их потревожить.

Луна недолго наблюдала за ними, прежде чем снова скрыться в облаках. Пусть этот мир сегодня принадлежит им. Ведь жизнь так коротка, а мгновения счастья в ней — лишь редкие вспышки среди долгой череды испытаний.

<http://bllate.org/book/18179/1753304>